

ЭТАП 1: ДИАГНОСТИКА

Тип сцены: Переход от мистического триллера к психологической драме.

Проблемные зоны: В оригинале много повторяющихся структур «Он сказал/Он спросил», «□□□» (росток боба) — типичная китайская метафора, требующая адаптации. Песня «Рубинхуа» (Люпины) — культурный код, важно передать её пронзительность.

* Тональность: Тяжёлая, гнетущая, с проблесками сочувствия.

—

ЭТАП 2-5: ОБРАБОТКА (СДПР + СКУБ-Р + НАТУРАЛИЗАЦИЯ)

— Та самая цель... это она? — спросил Бянь Шэнцзянь.

— Да, — отозвался Лу Шэнь. — Её зовут Хуан Сяошу. Ей девять лет.

Бянь Шэнцзянь не сводил глаз с худощавой фигурки, бредущей навстречу. Девочка шла, опустив голову, её тонкие косички уныло покачивались в такт шагам. Трудно было сопоставить этот крупный образ с тем кровавым месивом, которое запечатлелось в его памяти.

— Почему она стала обиженным духом?

— Из-за обиды, — Лу Шэнь негромко вздохнул. — Злоба, способная удержать душу после смерти, всегда пускает глубокие корни. Обычно это следствие сокрушительного удара при жизни или тяжёлого сожаления, которое не даёт покоя даже в могиле.

Бянь Шэнцзянь на мгновение задумался. Он осторожно коснулся сорной травы, пробивающейся сквозь трещину в асфальте, но в миг соприкосновения его пальцы стали полупрозрачными. Рука беспрепятственно прошла сквозь стебли — зрелище жуткое, словно в дешёвом кино.

— И что я могу сделать? — Шэнцзянь резко отёрнул руку. Холод, пробравший ладонь после контакта с призрачным миром, вызвал дрожь.

«Я же даже муравья раздавить не в силах. Как мне избавиться её от этой обиды?»

— Ошибаешься. В этом пространстве единственный человек, с которым мы можем взаимодействовать — это сама девочка, — пояснил Лу Шэнь. — Она нас видит, мы видим её. Физический контакт тоже возможен.

Бянь Шэнцзянь молча наблюдал, как Хуан Сяошу, опустив голову, пробирается сквозь толпу.

— Совсем ребёнок... — наконец выдал он. — Что могло довести её до такого?

— Мы сейчас в том самом временном отрезке, когда эта злоба зародилась. Если верить расчётам, всё случится в ближайшие дни. Следуй за ней, но не приближайся.

— В ближайшие дни? — Он хмуро свёл брови.

«А как же мои дела?»

— Не переживай, — Лу Шэнь, угадав его мысли, заговорил мягче. — Даже если мы проведём здесь годы, в реальности пройдёт всего пара минут.

— Понял. — Он окинул его ледяным взглядом и, не мешкая, двинулся вслед за девочкой, держась на дистанции.

Хуан Сяошу, как и сказал Лу Шэнь, было девять, но выглядела она года на три младше. Тощая, как былинка на ветру, которую забыли полить — того и гляди, переломится и засохнет.

Они миновали две улицы и трижды перешли дорогу. Хотя Бянь Шэнцзяню и Лу Шэню не нужно было соблюдать правила движения, Шэнцзянь всё никак не мог привыкнуть к этой пространственной аномалии. Его коробило от самой мысли, что машина или случайный прохожий могут пройти сквозь него. Это чувство собственной нематериальности было для него похлеще, чем прогулка голышом в центре города.

— Это больница? — Он нахмурился, чувствуя, как внутри нарастает дурное предчувствие.

«Неужели задача в том, чтобы воскресить покойника?»

— Исключено, — Лу Шэнь покачал головой. — Давай пока просто понаблюдаем.

— Лу Шэнь, — он замер и резко обернулся к спутнику. — Только попробуй меня обмануть.

Тот заметно оторопел.

— Если я сделаю всё, как ты сказал, но не смогу вернуться... — Он впери́л в него тяжёлый взгляд. — Я сначала убью тебя, а потом покончу с собой.

Лу Шэнь хотел было возразить, что суицид в этом измерении — задача куда более сложная, чем воскрешение из мёртвых, но лишь промолчал и едва заметно кивнул:

— Хорошо. Обещаю.

Шэнцзянь ещё раз внимательно изучил его лицо и, развернувшись, последовал за Хуан Сяошу в здание, над входом в которое алела надпись: «Стационар».

Едва переступив порог, он инстинктивно прикрыл нос рукой.

— Что такое? — тут же отозвался Лу Шэнь.

— Ничего.

Он ненавидел больницы. Стойкий запах антисептиков всегда ассоциировался у него со смертью.

— Сяошу! Опять к маме пришла? — В коридоре им встретилась улыбчивая медсестра, помахавшая девочке рукой. — Почему сегодня так рано?

— Да, уроки быстро закончились, — пролепетала Сяошу так тихо, будто разговаривала сама с собой. — Сестрица, я пойду.

— Иди-иди, милая. — Медсестра погладила её по голове и, прижимая к груди планшет для записей, зашагала в сторону Шэнцзяня. Тот, хоть и понимал, что они не столкнутся, всё равно поспешно отступил в сторону.

— Опять эта малышка к матери прибежала? — К девушке подошла женщина постарше, судя по виду — старшая медсестра Цзин.

— Да, — вздохнула та. — Бедный ребёнок, сердце кровью обливается.

— И не говори! Отец погиб, а мать, спасая её, превратилась в овощ... — Сестра Цзин понизила голос до доверительного шёпота. — Только вот слышала я, что с их деньгами... долго они тут не протянут. Лечение скоро прекратят.

— Эх... — Первая медсестра лишь горестно вздохнула и покачала головой, проходя мимо. — Такая кроха, а уже столько горя хлебнула.

Бянь Шэнцзянь слышал каждое слово. Лицо его оставалось непроницаемым, но он сжал кулаки с глухим хрустом костяшек.

— Не спеши. Давай зайдём в палату, — Лу Шэнь хотел было ободряюще коснуться его плеча, но рука замерла в воздухе и бессильно опустилась. — Пойдём.

Бянь Шэнцзянь замер перед закрытой дверью палаты. Помедлив секунду, он, стиснув зубы, прошёл сквозь неё. Оказавшись по ту сторону, он невольно передёрнул плечами — кожа покрылась мурашками. Никакого восторга от обладания «сверхспособностями» он не испытывал, лишь давящую тяжесть в груди.

Лу Шэнь вошёл следом. Они молча встали в стороне, наблюдая за Хуан Сяошу и женщиной на койке.

Пациентка лежала под аппаратом ИВЛ. Лицо осунулось, голову обрили наголо, но даже так было видно, что она была красавицей. Видимо, это и была та самая мать, ставшая «растением». Приборы в палате мерно попискивали, отсчитывая секунды и огромные счета за лечение. Кто знает, сколько она уже провела в этом безмолвии?

— Мама, — Хуан Сяошу заговорила, стоя спиной к незванным гостям. Она осторожно взяла исхудавшую, безвольную руку женщины в свои ладони. Голос её дрожал. — Я пришла.

Лу Шэнь затаил дыхание. Он украдкой взглянул на Бянь Шэнцзяня: тот казался спокойным, но его пальцы, опущенные вдоль туловища, мелко дрожали.

Сяошу долго шептала матери о всяких пустяках: что было в школе, что она видела по дороге. В её детском голоске сквозила такая невыносимая тоска, что воздух в палате, казалось, стал горьким. Наконец, она замолчала, вытерла лицо рукавом и, выдавив блёклую улыбку, прошептала:

— Мама, я сегодня снова тебе спую. Пожалуйста, просыпайся скорее.

Девочка откашлялась и, под пристальным взглядом двух невидимых свидетелей, запела:

— Звёзды в небе молчат... а ребёнок на земле ждёт маму...

Лу Шэнь вздрогнул. Он заметил, что руки Бянь Шэнцзяня теперь трясутся не на шутку.

Песня плыла по палате. Голос Сяошу прерывался от подступающих слёз:

— Глазки в небе миг-миг... а материнское сердце — люпин... В родном краю расцвёл чайный сад... а сердце матери — на краю света...

К концу песни девочка уже открыто рыдала, но упрямо допевала каждое слово, глотая слёзы:

— Каждую ночь вспоминаю мамины слова... мерцают слёзы, цветёт люпин...

Когда последний звук затих, на сухую ладонь матери упало несколько прозрачных капель. Сяошу тут же бережно смахнула их.

— Мама, мне пора. Я приду завтра.

Ответа не последовало.

Девочка аккуратно поправила одеяло и обернулась. Её глаза, красные от слёз, внезапно расширились от ужаса.

— Вы... вы кто?! Что вы здесь делаете!

Бянь Шэнцзянь совершенно не ожидал, что их обнаружат. Он растерялся, но Лу Шэнь моментально уловил в его глазах странный блеск — будто отражение чужих слёз.

— Малышка, нам нужно кое-что обсудить. Выйдешь с нами? — Лу Шэнь обезоруживающе улыбнулся и указал на дверь. — Прямо в коридор, хорошо?

Видимо, в его улыбке было нечто такое, что заставило Хуан Сяошу немного расслабиться. Она долго колебалась, прежде чем подхватить портфель, но во взгляде девятилетнего ребёнка читалось совсем не детское подозрение:

— О чём вы хотите говорить?

— Давай сначала выйдем. Не будем тревожить твою маму, — мягко произнёс Лу Шэнь.

— Ладно. — Сяошу кивнула и бросила прощальный взгляд на койку: — Пока, мама.

— Ты с ума сошёл? Как ты дверь откроешь? — прошипел он сквозь зубы.

— Девочка, а можешь открыть нам дверь? Мы с братом уже старые, руки совсем не слушаются, — Лу Шэнь продолжал играть свою роль.

Бянь Шэнцзянь: «...»

Сяошу окинула их взглядом, в котором явно читалось: «Вы что, придурки?», и толкнула дверь.

— Идёмте.

— Спасибо. — Лу Шэнь тут же юркнул в проём.

Шэнцзянь вышел следом, чувствуя себя не в своей тарелке. В коридоре пока было пусто, но если сейчас появится медсестра и увидит ребёнка, разговаривающего с пустотой...

— Так кто вы такие? — Хуан Сяошу остановилась и заговорила тоном, который заставил его вздрогнуть.

— Это вас дядя с тётей подослали? — Она смотрела на них в упор. В её глазах не осталось и следа недавней нежности — только холодная, расчётливая подозрительность, несвойственная детям. — Что вам нужно?

— Ну... — Шэнцзянь попытался подобрать слова. — Мы...

— Нет, мы пришли помочь, — перебил его Лу Шэнь. — Мы — ангелы.

Бянь Шэнцзянь поперхнулся и ошарашенно уставился на Лу Шэня.

— Ангелы? — Сяошу отшатнулась на два шага. — За дуру меня держите? Помогите! Сестрица! Здесь...

Поняв, что сейчас поднимется крик, Лу Шэнь вздохнул и схватил его за локоть.

— Плохо идёт контакт... Уходим из больницы!

— Куда... куда бежим? — Он не успел договорить — Лу Шэнь уже тащил его по коридору. Вдогонку им летел пронзительный визг Сяошу:

— Сестрица! Тут двое плохих людей!

— Что? Где?! — К девочке тут же подбежала медсестра, испуганно озираясь по сторонам. — Сяошу, где они?

— Да вон же они! Разве ты не видишь? — Девочка в недоумении ткнула пальцем в пустой коридор, где только что скрылись двое.

— Э-э... Сяошу, ты, наверное, просто очень устала. В глазах помутилось, — медсестре стало не по себе, по спине пробежал холодок. Она неловко потрепала девочку по макушке: — Ладно, иди домой и будь осторожна. Мне пора работать.

— Ну ладно... — Сяошу растерянно посмотрела ей вслед. Она вспомнила странные слова тех двоих и замерла на месте, шепча: — Ангелы?

— Если бы ангелы и вправду существовали... — пробормотала она. — Может, они спасли бы нас с мамой.

<http://bllate.org/book/17573/1713650>